

Адам КАПАНОВ

МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ

Редьярд Киплинг – один из немногих писателей, подаривших миру литературного героя, ставшего нарицательным образом. Я, конечно же, имею в виду Маугли – человеческого детеныша, воспитанного волчьей стаей. А ведь таких писателей можно по пальцам пересчитать. Сервантес с его Дон-Кихотом, Дефо с Робинзоном Крузо, Свифт с Гулливером, Дюма с тремя мушкетерами, Конан Дойль с Шерлоком Холмсом, Гёте с Фаустом, Кэрролл с Алисой, ну еще пара-тройка имен. А, вот, еще забыл Гомера с Одиссеем и Шекспира, давшего мировой литературе великолепную пятерку – Гамлета, Офелию, короля Лира, Ромео и Джульетту. Правда, есть еще Дракула Брема Стоккера и общий (без конкретного авторства) всеми любимый Дон Жуан. Тех, кто остался без внимания, вы легко назовете сами, но их будет немного.

Это я к тому, что Киплинг легко и непринужденно входит в десятку самых известных писателей всех времен и народов. А что еще надо для литературной славы, кроме узнаваемого героя? Сейчас бы сказали – официальное признание. И оно у него есть в виде Нобелевской премии 1907 года. Причем Киплинг получает ее в тридцать восемь лет, оставаясь самым молодым нобелевским лауреатом по литературе за всю историю этой награды. Его никто бы не смог назвать фантазером за письменным столом, ведь «Книгу джунглей» он писал в Индии, африканские сюжеты рождались в Южной Африке, все прочие – в Англии, Японии, Гонконге, Сингапуре. Он пересекал Тихий и Атлантический океаны, исколесил всю Северную Америку, побывав на Ниагарском водопаде.

Это я к тому, что Киплинг за свои семьдесят лет перевидал и пережил немало. Родился в Бомбее, учился в Англии, несколько лет жил в США, подолгу находился в Южной Африке и даже был военным корреспондентом на англо-бурской войне. Страшные события тоже не обходили его семью: болезнь убила его шестилетнюю дочь, а война – взрослого сына, гвардейца ирландского батальона. Он дружил с основателем Родезии – Сесилом Родсом и королем Георгом V, общался с Марком Твенем и Бернардом Шоу, критиковал Муссолини и ненавидел Гитлера. Ему довелось многое увидеть и было о чем рассказать. Что он и сделал с присущими ему наблюдательностью и выдающимся талантом повествователя. Вот прошло 160 лет с его рождения и почти 90 лет от его ухода, а из нашей речи так и не ушли «кот, который гуляет сам по себе», «бремя белого человека», «большая игра» и «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». Наши дети знают не только Маугли, но и его друзей – Багиру, Балубу, Акелу. Вот так и приходит земная слава...

Думаю, у каждого из нас свой Киплинг. Есть он и у меня... Любимый, близкий по духу, переосмысленный сообразно возрасту и опыту. Дело дошло до того, что я решился на книгу своих избранных переводов с комментариями. Но это уже совсем другая история... Между прочим, этот речевой оборот, вошедший в обиход, тоже заимствован у Киплинга из рассказа «Три и еще один». Пока же представляю вашему вниманию мой перевод «Мировой с медведем» из будущей книги «Мой Киплинг».

Очень сложное, мрачное и по-особому притягательное произведение. Причем притяжение это особого характера – сродни балансированию на краю бездны, заглядывая в нее. Настоящая черная дыра в поэзии Киплинга, вмещающая почти всё. И его охотничьи воззрения, и бремя белого человека, и расплату за мимолетную слабость, и политические взгляды. Интересно, что, если куда менее суровый «Закон джунглей» переводил десяток авторов, причем ис-

ключительно мужчин, то очень брутальная «Мировая с медведем» существует в единственном известном переводе. И сделала его женщина. Правда, весьма необычная и с такой же нетривиальной фамилией Оношкович-Яцына. Такой, что по ней не определишь гендерную принадлежность. Впрочем, польское имя Ада всё расставляет по местам. Дочь действительного тайного советника (не каждый министр в России имел такой чин), романтическая натура Ада Оношкович-Яцына брала уроки поэзии у Николая Гумилёва и была лучшей ученицей Михаила Лозинского, между прочим, основателя школы советского поэтического перевода.

Ада получила известность как переводчик на русский язык стихов Кипплинга, вошедших в первый изданный в СССР сборник этого автора (1922). Они действительно очень хороши, особенно там, где у сурового Редьярда между строк прорывается не то щемящая тоска, не то скрытая нежность. Например, в «Королеве» или «Хозяйке морей». Мужская же тема в ее переводах несколько сумбурна по ритму и воспринимается не с первого раза. Вот и «Мировая с медведем» по атмосфере повествования выше всяких похвал, но по структуре мне показалась тяжелой и несколько старомодной.

Впрочем, у «Мировой с медведем» существует еще и особенный политический подтекст. Вечное соперничество двух империй – Британской и Российской за господство в Центральной Азии в конце XIX – начале XX веков держало тот регион в постоянном напряжении. Россия упорно шла на юг – в Туркестан и Персию, а Великобритания расширяла границы Британской Индии через Афганистан. Прямое столкновение британского Льва и русского Медведя казалось неизбежным. Такое противостояние, с тайными выпадами против друг друга, получило название «Большой игры», и в широкий обиход его ввел всё тот же Кипплинг в романе «Ким». В «Мировой с медведем» схватка и перемирие происходят между индийским охотником и зверем, уходящим на север, а англичане, те самые белые люди с ружьями, пока выглядят беспечными наблюдателями.

Уже тогда, в преддверии будущей войны, находилось немало политиков, желавших заключить «мировую» с русским медведем, потому-то прозорливый Редьярд Кипплинг и показал печальный итог такого соглашения. Кстати, политический вопрос «Мировой с медведем» до сих пор открыт и сегодня актуален как никогда.

Но это всего лишь домыслы. По моему мнению, в балладе речь идет о столкновении звериного и человеческого начала внутри каждого из нас. И потакание дикому в себе неизбежно приводит к моральному и физическому уродству. Собственно говоря, Кипплинг всю свою жизнь доказывал – только человек действия и самодисциплины способен победить мировой хаос, рождающий лень, страх и беспомощность.

Ну, а если вернуться непосредственно к поэзии, то самое время вынести на суд общественности мой вариант «Перемирия с медведем». Мне он кажется более понятным, ритмичным и современным – напомним, что перевод Ады Оношкович-Яцыны был сделан почти сто лет назад. Зато у нее, по-моему, удачнее получилось с передачей общего гнетущего настроения, как это вообще лучше удается женщинам. Думаю, еще и поэтому будет интересно сравнить два варианта.